

Е.А. Нарочницкая

Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности

Аннотация. В статье на материале современной Европы рассматривается проблема многообразия и классификации сепаратизма и сецессий, основные критерии сопоставления и типовые особенности сепаратистских движений, а также некоторые дискуссионные вопросы типологии этого феномена.

Abstract. The paper focuses on varieties of separatism (secessionism) in general, and in Europe, in particular. It considers major points of comparison and typical differences among separatist (secessionist) movements, as well as some controversial issues when dealing with their typology and classification.

Ключевые слова: сепаратизм, сецессионизм, сецессия, многообразие сепаратизма (сецессионизма), типология сепаратизма, типы сепаратизма, европейский сепаратизм, право на сецессию, классификация сепаратизма.

Keywords: separatism, secessionism, secession, varieties of separatism (secessionism), typology of separatist movements, types of separatism, European separatism, right to secession, classification of separatist movements.

Анализ и политическая оценка сепаратизма серьезно осложняются колоссальным многообразием этого феномена в его конкретных проявлениях. Корни, причины и условия возникновения, движущие силы и акторы, динамика, результаты и последствия – все это крайне многовариантно. Реальный сепаратизм еще более многолик, чем идеология национализма, с кото-

рой тесно связан сепаратистский «синдром». Не будет большим преувеличением сказать, что это явление почти столь же многообразно, сколь многообразен мир. В одной только современной Европе его палитра весьма широка. Недавние волны – постсоветская, балканская, западноевропейская, а теперь и крымско-новороссийская – добавили в нее и новые краски, и весьма противоречивый материал для обобщений.

Многовариантность сепаратизма, вероятно, объясняет дефицит обобщающих и сравнительных теоретических публикаций и практически полное отсутствие монографических исследований на эту тему. Есть немало работ об отдельных движениях, обширная литература по смежным теоретическим проблемам – теории нации и национализма, этническим конфликтам, концептам суверенитета, самоопределения, сецессии и др., теоретические разработки частных вопросов, яркие примеры публицистики. Но развернутая система теоретического рассмотрения сепаратизма в его многообразии, пожалуй, только начала создаваться.

Примечательным сдвигом в этом направлении стало появление в 2012 г. монографии Ф. Попова «География сецессионизма в современном мире» (5). В этой книге не только предлагается методика политико-географического исследования сецессионизма, но и систематизированно представляется весьма объемный концептуальный материал, довольно далеко выходящий за дисциплинарные рамки политической географии.

Теоретическую часть монографии сопровождает 400-страничная база данных, составленная автором по положению на первое десятилетие XXI в. В этой базе фигурируют 199 «зон распространения сецессионизма» в мире. Из них 37 расположены в Западной Европе, еще 6 – на Балканах, 15 – в европейской части постсоветского пространства (в том числе 4 в России) (5, с. 224–620). В пяти из них, включая Чечню, Ингушетию и Аджарию, сепаратизм (сецессионизм)¹ ушел с повестки дня еще в прошлом десятилетии. Ситуация вокруг Крыма и Донбасса, напротив, резко обост-

¹ Мы используем термины «сепаратизм» и «сецессионизм» как взаимозаменяющие синонимы. См. об этом в настоящем издании: Нарочницкая Е.А. Понимание сепаратизма: Об амбивалентных соотношениях сецессионизма, автономизма, регионализма.

рилась и приобрела новые конфигурации. Кроме того, те или иные квазисепаратистские тенденции имеются в разных российских регионах. Есть они и в Центрально-Восточной Европе, где некоторые автономистские движения (в румынской Трансильвании, населенных венграми районах Словакии, чешской Моравии) также не лишены сепаратистского потенциала.

Сравнивать и классифицировать движения под лозунгом отделения приходится исходя из отдельных критериев. Ими могут быть ключевые различия программы, сферы и характера проявлений, юридического и фактического статуса, типа организации и используемых методов, социальной и электоральной базы, идейно-политического профиля, исторических корней, причин и артикулируемых мотивов, внешних связей, а также иных типовых черт самих движений или параметров исторического и политического контекста.

Со своей стороны, Ф. Попов, используя некоторые из этих критериев, вводит целую сетку новых понятий, позволяющих четко детализировать и описать вариации сепаратизма с точки зрения политико-пространственных, территориально-правовых и других значимых параметров. Так, определяются разные варианты «фактической сепаратизации», включая такой чрезвычайно важный, по нашему мнению, концепт, как «побочная сепаратизация».

Термином «побочная сепаратизация» обозначаются любые ситуации, «когда отделение является побочным продуктом генетически отличного движения, преследующего иные цели, нежели смена суверенитета в пределах некоей территории» (5, с. 37). Действительно, следствием внутренней политико-идеологической борьбы (в контексте противостояния двух мировых систем), а вовсе не сепаратистских стремлений, стали отделение Тайваня от Китая и разделение Кореи. Среди свежих примеров – образование талибами Исламского Эмирата Афганистана; распад Сомали; провозглашение уже в 2014 г. «Исламского халифата» на части территории Ирака и Сирии.

В ряд именно «побочных сепаратизаций» вписывается, на наш взгляд, и феномен самопровозглашенных Донецкой и Луганской Народных Республик. Смута и вооруженный конфликт на Украине были порождены не русским (либо региональным) ирредентизмом, пребывавшим (за пределами Крыма) разве что в эмбриональ-

ном состоянии, а неприятием «майданной революции» населением Юго-Востока и глубокими разногласиями вокруг организации и геополитической ориентации украинского государства.

Будучи политическим географом, Ф. Попов сразу обращает внимание на такой политически фундаментальный параметр, как степень фактического (нелегитимного) контроля сепаратистов над территорией, за отделение которой они борются. В случаях фактической сепарации она может быть полной – в государствах де-факто либо частичной (в терминологии Ф. Попова «средней») – если центральные власти теряют контроль над частью оспариваемого пространства. Во всех остальных случаях она является нулевой, даже если сепаратистская партия представлена в органах власти соответствующего региона, как это имеет место в Шотландии или Каталонии.

Отметим, что еще одним, очевидно базовым, – поскольку речь идет о фундаментальных интересах безопасности – критерием классификации сепаратизма «по умолчанию» считается основной тип его формы: мирный либо насильственно-вооруженный (в том числе террористический, повстанческий, партизанский и др.).

Если мы посмотрим на современную Европу с точки зрения двух этих фундаментальных параметров, то увидим, что она четко распадается на две части с абсолютно несхожими моделями сепаратизма и сценариями осуществления сепарации.

На востоке континента с крушением коммунизма произошла капитальная реконфигурация политической карты. При этом общий распад СССР, расставание Чехии и Словакии, а также выход в 2006 г. Черногории из конфедеративного союза с Сербией совершились ненасильственно. Однако на Южном и Северном Кавказе, в Приднестровье и – в еще больших масштабах – на Балканах эти же процессы вылились в вооруженные конфликты. Пик их пришелся на 1990-е годы, после чего большая часть конфликтов, так и оставшись политически неразрешенной, перешла в мирную стадию «замороженных».

Отдельные вспышки военных действий и насилия имели место и в следующем десятилетии (осетино-грузино-российский конфликт в августе 2008 г.; операции и теракты чеченских боевиков и контроперации по их устранению; насилие боевиков ОАК над сербскими жителями в Косове под протекторатом ООН; акции

нелегальных албанских вооруженных групп в Македонии, в сербских муниципалитетах Прешево, Буяновиц и Медведжа). В 2014 г. новым кровавым отголоском распада СССР стал вооруженный конфликт на Юго-Востоке Украины.

В итоге именно здесь, в Юго-Восточной Европе и на постсоветском пространстве, сосредоточен сегодня крупнейший в мире кластер стабильных, но непризнанных (Нагорный Карабах, Приднестровье) и частично признанных (Абхазия, Южная Осетия, Косово) государств. Здесь же имеется ряд других случаев фактической сепарации, в том числе вторичного порядка. Это прежде всего фактически управляемые Белградом районы боснийской Республики Сербской и северная окраина Косова, чей международно-правовой статус остается спорным. Новым казусом частичной фактической сепарации стали неконтролируемые Киевом районы Донбасса, а новым изменением карты – ненасильственное, но мало кем признанное де-юре возвращение Крыма в состав России.

Западная Европа в последние полвека не знала ни дробления государств, ни другого изменения карты, кроме коррекции франко-германской границы (после референдума 1955 г. в Сааре) и воссоединения Германии, ни военных конфликтов на своей территории, ни фактических сепараций. Здесь нет государств де-факто, если не считать географически (и отчасти культурно) относящуюся к Азии Турецкую Республику Северного Кипра. Здесь почти не пришлось сталкиваться с такими формами борьбы за отделение, как восстания, партизанские действия и гражданские войны. Единственным исключением является межобщинный конфликт в Северной Ирландии: и по числу жертв (более 3 тыс. убитых и 17 тыс. раненых), и по характеру противостояния (с участием британской армии) он приближается к конфликтологической категории войн (4, с. 30–32).

Вместе с тем сепаратистский вызов хорошо знаком западноевропейским странам в двух других форматах. Новым явлением последних 20–25 лет стал рост умеренного политического сепаратизма, отвергающего насильственные и нелегальные методы. Однако мирная политическая модель, с которой стало принято отождествлять современный западный сепаратизм, вовсе не исчерпывает его профиль.

Всю вторую половину XX в. типичной была как раз иная – вооруженно-террористическая форма. Более того, по сравнению с другими частями мира именно в западных демократиях этнополитический радикализм чаще всего принимал террористическую форму, что подтверждено несколькими исследованиями по методикам математической статистики (см.: 4, с. 34; 10). Волна терактов начала подниматься еще на рубеже 1950-х годов и в последующие два десятилетия прокатилась по многим странам. Террористические кампании баскских, корсиканских и ирландских сепаратистов затянулись на несколько десятилетий и унесли жизни многих тысяч людей. В основном погасить их удалось лишь в конце XX – начале XXI в.

В настоящее время число и активность таких групп сведены к минимуму. Не менее половины среди них – баскские. Однако самая известная – ЭТА – в 2013 г. объявила (впрочем, не впервые) о прекращении вооруженной борьбы. Версия о воссоздании Бретонской революционной армии не подтвердилась. А вот Фронт национального освобождения Корсики (ФНОК) все еще существует, причем легальная сепаратистская партия «Корсика либера», за которую в 2010 г. проголосовало более 9% жителей острова, так и не выступила с публичным осуждением насилия. Полуанонимные вооруженные группы есть на Сардинии – в 2004 г. там готовилось покушение на С. Берлускони. Так или иначе говорить об окончательной победе над сепаратистским терроризмом, видимо, было бы пока неосторожно.

Помимо двух главных форм – мирно-политической и вооруженной, если строить классификацию сепаратизма на сфере и характере проявления, – во все времена появлялись сепаратистские идеи и настроения, не получающие политического оформления. Это идейный, или ментальный, сепаратизм. Сепаратистские идеи, тиражируемые в неполитическом ключе, но в публичном пространстве, можно рассматривать как дискурсивную, или публичную, вариацию сепаратизма, приближающуюся к политическим формам, но отличную от них.

Кроме того, политический сепаратизм бывает в разной степени институционализированным, в зависимости от того, насколько он представлен политическими организациями и в какой степени эти организации включены в легальный политический процесс

или в неформализованное политическое и гражданское сопротивление.

По мнению Ф. Попова, «политический характер цели движения... не позволяет отличить сепессионистские проекты от сепессионистских движений» (5, с. 43). Действительно, идея сепессии по своей сути уже является политической. Тем не менее, на наш взгляд, различать вербальные идеи, политические проекты, институционализированную политическую деятельность и иные политические движения сепессионистского плана можно и нужно. Это необходимо для оценки их реального политического веса и эффекта. И это важно в плоскости юридических запретов, для проведения черты между легальным и нелегальным сепаратизмом (если мы не хотим однажды оказаться в оруэлловской антиутопии, где мысль уже могла быть преступлением).

По своему характеру и задачам как политический, так и дискурсивный сепаратизм может быть умеренным («независимость в перспективе») или радикальным («независимость немедленно»), а также целевым или риторическим, инструментальным.

Инструментальным является, например, тот политический сепаратизм, который поднимается на щит региональными элитами не в расчете на реализацию отделения, а как средство давления на центр. Именно такая логика «шантажа и торга с центральной властью», по выражению В.А. Тишкова, была характерна в 1990-х годах для постсоветской России (наряду с вооруженным чеченским сепаратизмом и другими реальными дезинтеграционными импульсами) (6).

В проектах отделения экономически преуспевающих Шотландии, Каталонии, Севера Италии тоже нередко видят способ добиться от центра бюджетных и фискальных льгот или других дивидендов. Многие заметили, что кампания за проведение референдума о статусе Каталонии стала стремительно раскручиваться после того, как председатель регионального правительства А. Мас получил от Мадрида отказ в ответ на предложение предоставить Каталонии полную налогово-финансовую автономию (8; 15).

Однако грань между подлинным, целевым сепаратизмом и сепаратизмом инструментальным тонка и спорна. Отчасти это вопрос интерпретации, зависящей не от эмпирического анализа, а от заданных теоретических посылок. В русле инструментальной тео-

рии национализма и этнических конфликтов все движения, апеллирующие к идентичности и самоопределению, предстают инструментом достижения корпоративных элитных интересов, но это не делает эти движения фиктивными, симуляционными. Инструментальность необязательно означает симуляционность, хотя бывает и так.

С конца XX в. развитие получило новое явление, которое, на наш взгляд, хорошо описывается понятиями эпатажного, игрового, симуляционного, виртуального, фантазийного и т.п. «сепаратизма». Оно представляет собой один из типов постмодернистского квазисепаратизма.

Эксцентричные казусы случались и раньше. В 1960-е годы было провозглашено и до сих пор «существует» «Княжество Себорга» в итальянской Лигурии, а также «Княжество Силенд» на острове в Северном море. Уже не одно десятилетие власти Дании ведут борьбу с «Вольным городом Христиания», который создала в одном из кварталов Копенгагена община хиппи, живущая там по своим законам. «Каскадию» – название «независимой нации» на западном побережье США – профессор из Сиэтла Д. Макклоски предложил еще в 1970 г.

Но лишь с конца XX в. буффонада на сюжеты с объявлением независимости и креативным изобретением идентичностей становится заметным элементом в общественных процессах – в политике, бизнесе, информационном и идейно-дискурсивном пространстве. Театрально, с картинным походом лидера Лиги Севера У. Босси к устью реки По было обставлено провозглашение государства «Падания». Большинство итальянцев предпочли воспринять это как буффонаду, никакой серьезной реакции от властей Италии не последовало.

Чаще всего новый полуигровой, игровой и т.п. квазисепаратизм проявляется вне институализированной политической сферы. Среди примеров можно назвать «Независимый проект Каскадии» и «Республики Вермонт» в США, их российские «реплики» вроде «Ингрии» и «Ингерманландии», провозглашение «Герцогства Бургундии», «независимого Гента» или «Русской демократической республики Домодедово», историю с двумя хуторами, «отделившимися» от Эстонии и объявившими о «восстановлении советской власти».

Реальный подтекст, смыслы и цели нового эксцентричного «сепаратизма» могут быть как связанными с проблематикой государственного единства и сепаратизма, так и далекими от нее. Многие такие проекты сопровождаются раскруткой туристических или товарных брендов. А вот появившийся в 2008 г. Новый гентский альянс был откровенной пародией на реальные сепаратистские партии Новый фламандский альянс и Фламандский интерес. Добившись внимания СМИ, «партия» провозгласила «независимость Гента», после чего самораспустилась.

Эксцентричные квазисепаратистские инициативы вряд ли претендуют на то, чтобы превратиться в реальные проекты смены суверенитета. В этом смысле они являются симуляцией, игровой копией реального сепаратизма. Но как явление общественного сознания и дискурса они несут в подтексте совсем неигровое содержание. В разных случаях это может быть деконструкция сложившихся исторических концепций, доктрин нации, идентичности, государственности; декларация антисистемности или оппозиционности; анархический протест против институционализированной политики.

Важным критерием в оценке и сравнении сепаратистских тенденций является уровень их общественной поддержки. С этой точки зрения сепаратизм может оказываться более или менее влиятельным либо маргинальным. Основными доступными показателями служат здесь, во-первых, электоральные результаты партий, выступающих под лозунгами отделения, и, во-вторых, опросы общественного мнения.

В российской интернет-публицистике часто встречаются сюжеты об «огромном сепаратистском айсберге» Западной Европы и грядущем исчезновении с ее карты почти всех крупных государств. Но если различать сепаратизм маргинальный и влиятельный, ментальный и политически-институционализированный, симуляционный и целевой, а также автономизм, регионализм и собственно сепаратизм (сецессионизм), то немалая часть «айсберга» рассыпается в «ледяную пыль».

Можно выделить три кластера западноевропейских регионов с относительно высоким, заметным (средним) и слабым уровнем поддержки сепаратизма. В первом кластере проекты отделения представлены на политическом поле серьезными силами и поль-

зуются сравнительно широкой поддержкой (от 20 до 40% населения и более¹). К этой категории относятся Шотландия, где тем не менее сторонники независимости проиграли на сентябрьском референдуме 2014 г., и в меньшей степени – Уэльс. Это также Северная Ирландия, где ирландский ирредентизм, как бы он ни был силен, обречен оставаться в меньшинстве из-за демографического перевеса ольстерских протестантов. Это Фарерские острова, Каталония, Страна Басков, Фландрия, Больцано (Южный Тироль) и часть севера Италии – особенно Ломбардия и Венето.

Стоит обратить внимание на то, что почти повсюду позиции политического сепаратизма в лице соответствующих партий заметно скромнее, чем ни к чему не обязывающая абстрактная тяга к отделению, периодически фиксируемая социологическими опросами. Контраст между двумя этими показателями особенно разителен в Англии и Валлонии. Партия «За свободу Англии» не имеет никакого веса, хотя до трети и более англичан время от времени одобряют идею отдельной английской государственности. Среди валлонцев (и еще больше – среди французов) достаточно популярен сценарий воссоединения с Францией. Но его не поддерживают ни французский политический класс, ни ведущие валлонские партии, горой стоящие за сохранение бельгийской федерации, а ирредентистское Объединение Валлония–Франция получает менее 1–2% голосов. О расхождении политического и ментального сепаратизма можно говорить и применительно к востоку Европы и к России, в частности к Калининградской области.

Заметный (примерно 10–20% населения) уровень поддержки идеи отделения характерен для Корсики. В Галисии и Сардинии он меньше, но все же периодически достигает 7–9%. Данные по ряду регионов итальянского Севера, а также примыкающим к нему с юга Тоскане и Умбрии очень противоречивы (от 2 до 80%).

В остальных частях «сепаратистского айсберга», включая часту упоминаемые Бретань, Эльзас, историческую Окситанию, Ниццу, Сицилию, Валенсию, Баварию и др., влияние сецессионистских

¹Приводимые усредненные примерные оценки сделаны на основе сопоставления многих варьирующих данных, все источники которых указать в рамках статьи невозможно. См. также: 4; 5; 8; 14.

организаций и даже расплывчатой идеи независимости колеблется между ничтожным (менее 1%) и слабым (менее 5%).

Не случайно из 40 представляющих регионы и меньшинства партий и движений, входящих в Европейский свободный альянс (ЕСА), только 12 декларируют цели, выходящие за рамки автономизма. Среди них серьезный вес в своих регионах имеют лишь Шотландская национальная партия, Партия Уэльса и Новый фламандский альянс.

Как точно замечено, сепаратизм (сецессионизм) «является продуктом социально-политического конструирования и воображения» (3). Поэтому его признаки, относящиеся к сфере сознания, являются очень значимыми для его генезиса и характера.

В ценностно-идеологическом плане сепаратизм может представлять левым и правым, со всеми градациями на этой условной шкале, комбинированным и эклектичным, а может и никак не соотноситься с этой привычной нам системой координат. В анализе сецессионистских движений огромного незападного мира (кроме левоэкстремистских) эта призма просто неприменима или третьестепенна. Не актуальна она в том числе и для конфликтов на почве сецессии на юго-востоке Европейского континента.

На Западе идеологический компонент сепаратизма сегодня также отошел на задний план. Но в целом в европейском контексте это измерение всегда было и остается актуальным – и притом вариативным.

В 1930–1940-х годах бретонские, эльзасские, фламандские, фризские ультранационалисты тяготели к нацизму и фашизму, сотрудничали с Третьим рейхом, часто отличаясь особой жестокостью в «этнических чистках». Сходный коллаборационизм в разных вариантах имел место и на востоке Европы – в Прибалтике, на Украине, среди косовских албанцев и югославских хорватов. Баскское и каталонское движения того времени, напротив, противопоставляли себя франкистскому централизму, в том числе как демократическую альтернативу авторитаризму.

Во второй половине XX в. выделился другой, левоэкстремистский, вариант сепаратизма. За исключением южнотирольских групп, все практиковавшие терроризм «борцы за независимость» – Временная ИРА, квебекский ФОК, Фронт освобождения Бретани, Фронт национального освобождения Корсики и десятки менее из-

вестных – родились на крайнем левом фланге и формулировали свои цели в категориях не только «деколонизации», но и антикапиталистической революции. В том же направлении довольно быстро эволюционировала баскская ЭТА. Для умеренных этнорегиональных партий сепаратизм был вообще не характерен, ибо тогда он считался на Западе неприемлемым. Поворот к «системному» сепаратизму только начинался – с модельных стран либеральной политической культуры: Великобритании, Канады, Бельгии.

В последний период в фокус внимания попал именно такой, «системный» сепаратизм. Его лицо представляют ряд более или менее влиятельных движений с прагматичной умеренной программой движения к «суверенитету», «полной национальной свободе» и иным «формулам независимости» через демократические процедуры. В социально-идеологических вопросах они не выходят за рамки современного мейнстрима, располагаясь ближе к центру слева, как Шотландская национальная партия (ШНП), Квебекская партия (КП), «Баскская солидарность», либо справа (каталонский блок «Конвергенция и Союз», Баскская националистическая партия (БНП), Новый фламандский альянс). Однако идеологический спектр современного западноевропейского сепаратизма намного шире.

Большинство организаций, решительно стоящих за отделение, находятся на левом фланге. Себя они определяют как социал-демократические (Партия Уэльса, «Шинн Фейн», «Республика Независимая Сардиния»), левые и социалистические, иногда с акцентом на феминизм и экологизм («Левые республиканцы Каталонии», целая группа мелких баскских партий, «Бретонские левые за независимость», «Либертат! Революционные левые Окситании» и др.). Сопоставляя программы и результаты выборов, легко заметить: чем левее идеология, тем прямолинейнее и бескомпромисснее декларируется цель отделения и тем мизернее электоральный вес. (Разумеется, речь идет лишь о сепаратистском сегменте. Многие из левых региональных организаций вовсе не принадлежат к нему, а рассуждают в категориях децентрализации самоуправления и «локальной демократии», иногда отвергая любые «идентитарные концепции».)

Правый фланг, к которому примыкают правоцентристы (Баварская партия, Партия окситанской нации, «Будущее Аландов»),

малочисленнее и слабее. Правоконсервативный профиль этого фланга (немаловажный для генезиса сепаратизма) рельефно представлен у таких объединений, как союз «За Южный Тироль», «Свобода Южного Тироля», «Свободовцы» (Die Freiheitlichen), Савойская лига, бретонский «Адсав». Все они весьма оппозиционно настроены по отношению к официальному курсу, особенно в ценностных вопросах. Явно праворадикальный сектор более чем маргинален: к нему можно отнести крошечную неофашистскую группу «Молодая Бретань», Национальный форум Эльзас-Лотарингия (связанный с германской НДП), отдельных членов лиг в Италии и правых партий Фландрии (но не сами эти партии, как это нередко делается). Серьезные позиции правоконсервативные сепаратисты имеют только в Южном Тироле: после провозглашения независимости Косова электорат одних только «свободовцев» вырос там в три раза, достигнув в 2013 г. 16–18% избирателей.

Одновременно в «сепаратистском спектре» в большей степени, чем на партийно-политической сцене в целом, возникают нестандартные идеологические комбинации, что отражает растущую девальвацию прежних линий деления на «правых» и «левых». Символом этого явления можно считать Лигу Севера – крайне неоднородную, с очень различными фракциями и региональными лигами, неоднократно менявшую свои приоритеты.

Отдельного внимания заслуживает «Фламандский интерес» (ФИ – бывший Фламандский блок), у которого лозунг «за независимую Фландрию» вписан в необычную идеологическую амальгаму. Эту партию часто стереотипно называют правоэкстремистской. Однако о ее антисистемности можно говорить разве что в связи с иммиграционным досье: Фламандский блок был запрещен по решению суда за «исламофобские высказывания». Другие компоненты программы ФИ являются квинтэссенцией мейнстрима и антитезой всему, что ассоциируется с праворадикальностью. В социально-экономических вопросах фламандские сепаратисты – типичные неолибералы, в ценностных – либертарианцы-авангардисты, борющиеся за новые права сексуальных меньшинств и освобождение от вековых табу. Причем сепаратизм, так же как и оппозиция иммиграции, получает у «Фламандского интереса» либеральную и даже ультралиберальную мотивацию. «Развод» с Валлонией, объясняет лидер партии Г. Аннеманс, назрел потому, что валлонцы с

их «социалистическим духом» сдерживают сокращение социальных обязательств государства (9). А растущее мусульманское присутствие опасно тем, что ставит под вопрос либеральные устои, и в первую очередь «новые европейские ценности» в сфере этики и гендера.

На общем фоне выделяются Корсика, Сицилия и отчасти Сардиния, где основные сепаратистские организации (Движение за независимость Сицилии, Сардинская партия действия и даже «прогрессистская» «Свободная Корсика») не артикулируют ни идеологических привязок, ни интереса к идеологии. Высказываются предположения, что эта политическая ниша курируется здесь мафиозными структурами. Как бы то ни было, это особый казус. В целом же внеидеологичность для западноевропейских политических движений нетипична.

Если идеологический компонент (и мотивация) характерен больше для западных проектов сецессии, то другой аспект сознания, с которым соотносится сепаратизм, универсален. Это формы коллективной идентичности. Одним из главных критериев классификации сепаратистских движений служит основа консолидации и мобилизации группы, от лица которой действует движение.

Большинство проектов отделения от существующих государств, в том числе в Европе, опираются на идеологию национализма. Все они апеллируют к правам конкретной этнической (этнонациональной, этнической, субэтнической, племенной) общности, определяемой в качестве нации. Такой сепаратизм принято называть этническим. Помимо этнического выделяют сепаратизм конфессиональный, а в последнее время также региональный (хотя сам феномен неэтнически мотивированного, территориального сепаратизма значительно старше).

В Европе, в отличие от Азии, религия нигде не выступает главной основой сепаратизма, даже если в отдельных ситуациях она сыграла заметную роль в размежевании идентичностей (сербы, хорваты и босняки) или в углублении межэтнического разлома и обострении конфликта (Северная Ирландия, Чечня, Косово).

А вот примеры регионального сепаратизма едва ли не в первую очередь все чаще дает современная Европа – точнее, «большая Европа», охватывающая постсоветские государства Европейского континента и Россию. Один такой казус – Приднестровье, где со-

лидарный импульс к сепарации у населения региона создала не этничность и уж точно не идеология этнического национализма, а, напротив, неприятие румыно-молдавского этнонационалистического унионизма. Новое яркое проявление регионального сепаратизма – вооруженный украинский конфликт 2014 г., который также не описывается в преимущественно этнических категориях.

Инновационный тип регионализма представляет радикальное идейное течение в рамках еврорегионализма, ключевой концепцией которого является известная модель «Европы регионов» без крупных стран, государств и наций, но с интеграционным центром в лице брюссельских структур. Будучи в этом смысле квазисепаратистским, такой еврорегионализм создает еще одну, никогда прежде не существовавшую линию качественного раздела внутри сепаратизма как явления – между сепаратизмом классическим и постмодернистским, протогосударственным и постгосударственным, националистическим и постнациональным.

Однако отнести движение к региональному, этническому или конфессиональному типу не всегда просто. И такое разделение небеспроблемно в теоретическом отношении. Не всегда возможно строить характеристику на эксклюзивном выборе одного маркера. Религия, будучи одной из основ культуры, как известно, участвует в формировании этнической идентичности. Территориальные реальности тоже влияют на этот процесс – этничность не статична, она формируется и меняется в ходе истории. Региональные различия не раз в истории служили полем конструирования этнической идентичности и национальной идеи. Сепаратистские проекты могут предшествовать оформлению языка и отдельной идентичности. Именно так было с украинцами, хорватами и совсем недавно – с черногорцами.

Серьезные проблемы создают разногласия вокруг соотношения понятий «этнос», «нация», «государство». Термин «этнический» нередко приходится использовать условно, держа в голове терминологическую гетероглоссию¹.

¹ По этому поводу процитируем известного российского этнолога В. Тишкова: «...типологически сходные конструкты стали квалифицироваться в одних странах Европы как "языковые" или "этнические меньшинства", а в других – как "национальные меньшинства". Гетероглоссия стала политикой, когда

Кроме того, даже явно этнический сепаратизм всегда содержит важный территориальный компонент, поскольку сецессия, по определению, относится одновременно и к группе людей, и к территории. Поэтому специалисты и расходятся в том, к какому типу, региональному или «этническому», отнести, например, шотландское, каталонское или квебекское движения.

В современном мире все крупные этнонациональные движения аналогично государствам формулируют свою доктрину нации не в этноцентристском ключе, а более открыто, охватывая все население территории, на которую они претендуют. Современный шотландский, квебекский, каталонский национализм носит подчеркнуто гражданско-территориальный характер. Но он вовсе не лишен этнического начала. Этнический (культурно-исторический) фундамент заложен в саму логику самоопределения этих регионов в качестве наций и требований о выходе из уже существующего национального государства.

Остановимся еще на одной линии дифференциации сепаратизма. Правда, она характеризует не столько различия внутри самого этого явления, сколько его восприятие. Но эта проблема актуальна как никогда. Речь идет о разделении сепаратизма на легитимный и нелегитимный.

Широко признано, в том числе в социальных науках, что политическая легитимность не совпадает с формально-юридической легальностью, а зиждется на преобладающем убеждении, рациональном либо традиционном, в законности явления. В случае с сепаратизмом степень даже формальной легальности, как уже показывалось выше, неочевидна. Что касается его легитимности, то споры и теоретические дискуссии по этому поводу в последние два десятилетия приобрели совершенно новое качество. Причем разногласия вызывают и само такое деление в принципе, и его критерии, и еще больше квалификация конкретных ситуаций.

был назначен Верховный комиссар ОБСЕ по делам национальных меньшинств... Однако трудно доказать, что, кроме традиции внешнего предписания, которое, отчасти, стало и самодефиницией, существует принципиальная разница между гагаузами в Молдове, крымскими татарами на Украине, татарами в России и басками в Испании, тирольцами в Италии, ирландцами в Ольстере» (7).

Главное обоснование сепаратизм, как известно, черпает в праве на самоопределение. Сама по себе идея самоопределения (индивидуального и коллективного), неразрывно связанная с идеалами свободы и равенства, превратилась в широко принятую мировоззренческую аксиому. Однако у самоопределения, как и у свободы, есть свои пределы и свой парадокс. Так же как ничем не ограниченная свобода уничтожает сама себя, так и право на самоопределение, если возвести его в абсолют, рискует лишиться самоопределения всех и вся, ибо в этом случае неминуема цепная реакция бесчисленных волеизъявлений, вступающих в конфликт друг с другом и ведущих к всеобщему коллапсу.

В политико-территориальной плоскости самоопределение наталкивается на рациональную необходимость установить, какие именно группы людей являются носителем этого права и в каком смысле, в каких содержательных пределах. Ответ на этот вопрос ограничивается потенциальной возможностью примирить сталкивающиеся волеизъявления.

Еще более уязвимой является апелляция к праву наций на самоопределение. В этой логике право на самоопределение, включая сецессию, отдается нациям в культурно-этническом понимании и отождествляется с правом на отдельную государственность и территорию. Но право на самоопределение относится лишь к группе людей, а не к территории. Сецессия, напротив, относится именно к территории – на это принципиальное противоречие обращал внимание Д. Горовиц (13). Приведение же государственных границ в соответствие с этническими заведомо неосуществимо. К тому же сами границы между этнокультурными и тем более этнонациональными группами являются предметом неразрешимых разногласий, к которым добавляются столь же неразрешимые споры об исторических правах на территорию. Во всем этом состоят фундаментальные пороки сепаратизма как модели реализации права на самоопределение.

Отделение воспроизводит проблемы этнокультурной неоднородности и права групп на самоопределение, воссоздавая и расширяя почву для сепаратизма, только теперь уже в рамках нового государства. С распадом СССР не только 25 миллионов русских остались за пределами России, но и прежде всего резко актуализировались многие внутренние межэтнические и региональные рас-

колы в новых государствах. Именно таков был в главном алгоритм вооруженных конфликтов на постсоветском Кавказе и в Приднестровье. Подобное происходило и на Балканах, где в результате расчленения СФРЮ полтора миллиона сербов оказались на территории Боснии и Герцеговины и более 500 тыс. в Хорватии.

О намерении воспользоваться собственным правом на самоопределение в случае выхода Квебека из состава Канады давно уже заявляли проживающие в этой провинции англоканадцы, индейцы и эскимосы. С подобным предупреждением в адрес сторонников независимости Шотландии в свое время выступали и жители Шетландских островов, расположенных в центре нефтеносной зоны.

Большинство специалистов по этническим конфликтам более чем скептически относятся к возможности решить проблему этнических противоречий путем сецессии. «Отделение неизбежно обостряет межгрупповые различия», – пишет профессор Стокгольмской школы экономики Я. Тулберг (17, с. 240). «Сецессия почти никогда не решает этих проблем [этнического конфликта и насилия], но, напротив, может усугубить их, – убежден Д. Горовиц. – Иными словами, требования сецессии выдвигаются без серьезного понимания моделей этнического конфликта и политического поведения этнической группы» (2, с. 189).

Понимание того, что плохо регламентированное самоопределение «буквально начинено динамитом»¹, никогда не было в состоянии погасить ни все внутренние импульсы к отделению, ни их поощрение заинтересованными внешними акторами и на нормативном уровне долгое время определяло общее сдержанно-негативное отношение к изменению сложившихся границ (вне контекста деколонизации).

Отход от этой позиции четко обозначился в 1990-е годы – как следствие капитальных идейных, ценностных и геополитических трансформаций конца XX столетия. Свою роль сыграл и многолетний опыт безуспешного национально-государственного строительства в постколониальных странах. Усилиями целого ряда полити-

¹ Так оценил провозглашенный Вудро Вильсоном принцип самоопределения госсекретарь его администрации Р. Лансинг, пояснивший в секретном меморандуме, что «без четкого обозначения единицы, к которой он практически применим», реализация этого принципа «опасна для мира и стабильности» (16).

ческих философов и правоведов (Г. Беран, А. Бьюкенен, К. Уэлмен, Д. Филпотт и др.) в соционаучный оборот вошел теоретический концепт «права на сецессию» (см. об этом, в частн.: 1; 2; 13).

Так называемая нормативная теория (первичного) права на сецессию выводит это право из либерального примата личной свободы и признает его (в крайних вариантах) за любой свободно объединившейся группой индивидуумов. Сторонники более прагматичной плебисцитарной теории резервируют право на отделение за большинством населения любых административно-территориальных единиц, «способных» к созданию государственного образования».

Еще большее развитие получили теории избирательного (ограниченного) права на отделение, постулирующие легитимность даже вооруженной сецессии при наличии особых обстоятельств, по аналогии с внеконституционным правом на революцию. Среди таких условий разные авторы называют историческую несправедливость (теория «исправляющего права» А. Бьюкенена); дискриминацию и массовые нарушения базовых прав человека (12); гражданскую войну или неспособность государства обеспечить элементарный правопорядок; стремление к демократии в условиях недемократического режима; непреодолимое взаимное ожесточение групп («аргумент Чейма Кауфмана») и их «фундаментальную несовместимость» (17).

Эти теории положили начало интенсивным дискуссиям о допустимости изменения границ в разных социальных дисциплинах и среди экспертов-практиков. Основные их положения многократно подвергались аргументированной и жесткой критике – за внутренние противоречия и неясности, невозможность объективного применения; создание почвы для манипуляций; потенциально провокационное влияние на этнические отношения; оторванность от реального опыта. По словам Д. Горовица, «не случайно большинство исследователей этнической политики проявляют заметно меньший энтузиазм в отношении сецессии, нежели международные юристы и философы» (13, с. 200). Но у теорий права на сецессию появляются и новые сторонники, продолжающие их разработку.

Так или иначе, они дали сепаратистскому тренду мощную идейную подпитку. Концептуальную базу – в основном идеологи-

зированной и спорную – получила дифференцированная и пристрастная оценка легитимности конкретных движений. О продолжающейся практике «двойных стандартов» сказано уже так много, что этот факт вряд ли нуждается в доказательствах.

Восприятие каждого геополитически значимого случая, как показывают примеры постсоветских конфликтов, распада СФРЮ, Косова, Крыма и Украины, остается глубоко поляризованным. Причем субъективность предопределяется, помимо часто упоминаемых геополитических интересов, идеологическими и мировоззренческими расхождениями, которые во многом задают исходные координаты исторических и политических оценок.

Многие юристы сегодня без колебаний публично формулируют позицию, которая раньше существовала скорее на уровне обыденного сознания: сецессия бывает правомочной, но общих абстрактных правил здесь нет. «Сепаратизм – феномен, известный почти всем регионам мира, – отмечает швейцарский профессор международного права Э.Гризель. – В зависимости от обстоятельств он выглядит подрывным, мятежным, даже преступным либо, наоборот, совершенно легитимным. То есть он подлежит политической оценке» (11).

В рамках данной статьи мы смогли остановиться лишь на некоторых из основных линий возможного исследования многообразия сепаратизма в целом и в современной Европе в частности. Как говорилось вначале, таких линий гораздо больше.

Рассматривая сепаратизм (сецессионизм) в его вариациях, Ф. Попов отметил отсутствие у этого класса движений собственного концептуального базиса и выдвинул следующий тезис: «Сецессионизм как планетарное явление – это, скорее, особый класс движений, выделяемый на основе общности формы преследуемых целей, – стремление к сецессии, тогда как содержание целей отличается от группы к группе» (5, с. 45).

Трактовка сецессионизма как формы не кажется удачной. С точки зрения политико-территориальной организации социума, распределения ресурсов и власти стремление к смене суверенитета в пределах данной территории – не форма, а самый что ни на есть содержательный компонент. Тем не менее в процитированном тезисе подразумевается мысль, с которой приходится согласиться. Единственным всеобщим признаком явлений, описываемых абст-

ракцией «сецессионизм» («сепаратизм»), оказывается импульс к государственному отделению.

Речь идет не о форме, а о содержании, но собственное содержание сепаратизма действительно чрезвычайно узко. И его вариативность невелика. Практически она ограничивается набором искомых статусов: собственная государственность или присоединение к другому государству плюс разве что неустойчивые либо неапробированные промежуточные варианты типа конфедерации или «суверенитета-ассоциации». Из этого ряда выбивается лишь «Европа регионов», но об амбивалентном соотношении этой модели с классическим сепаратизмом мы уже говорили.

Общее узкое содержание сепаратизма и предопределяет его высокую вариативность, поскольку оно неизбежно оказывается вплетенным в систему целеполагания и действия, основанную на ценностях, интересах, принципах, доктринах другого порядка, другой природы, которые могут быть совершенно различны.

Своеобразие каждого из сепаратистских движений – это не просто уникальность единичного, определяемая, при сходных родовых и видовых признаках, индивидуальными нюансами. В случае с сепаратизмом складываются многочисленные комбинации разных существенных черт.

Многовариантность этих комбинаций очень осложняет полную классификацию сепаратистских движений с распределением их на интегрированные типы. Хотя выделить основные комплексные типы, каждый из которых обладает рядом ведущих признаков, вполне можно.

Ф. Попов предложил полную классификацию, разделив сецессионистские движения на 12 географических типов, включая «западноевропейский», «североамериканско-австралийский» и «постсоциалистический» (5). Однако эта типология обнаруживает явные недостатки, в частности, применительно к Европе и за пределами политико-географической призмы. Фактически речь идет о «зонах распространения сецессионизма», характеристика которых построена во многом на пространственной динамике, а вовсе не о его типах.

Некоторый опыт изучения этнонациональных конфликтов в странах Запада (в том числе – с сепаратистским компонентом) дает нам основания полагать: никакого единого «западноевропейского»

и «североамериканско-австралийского», как и «постсоциалистического», типа сепаратизма не просматривается, хотя бы потому, что у действующих в каждом из этих ареалов сепаратистских движений не обнаруживается ни одного общего для всех существенного параметра классификации, кроме географической привязки. Как нет у них и доминантных черт, которые бы притом отсутствовали (или почти отсутствовали) во всех остальных географических ареалах.

Отдельные условные разновидности сепаратизма действительно можно ассоциировать преимущественно с той или иной частью мира, но далеко не всегда с географической, и с серьезными оговорками. Например, политически институционализированный, системный сепаратизм характерен больше всего для сегодняшнего Запада, повстанческие формы, особенно затяжные, – для определенных регионов так называемого Юга, а государства де-факто, полностью контролирующие свою территорию и с максимальным уровнем поддержки сепаратизма населением, – для постсоветской (но не всей постсоциалистической) части Европейского континента. Однако ни то ни другое ни третье само по себе еще не определяет многоликий образ сепаратизма в этих ареалах.

Даже тот более чем неполный обзор его вариаций, который мы провели, показывает это достаточно ясно. Что касается Европейского континента – Большой Европы, – то при всех различиях между западной и восточной частями, и там, и тут сепаратизм представлен в широком спектре принципиально важных типов. Как на востоке континента, так и на западе присутствует сепаратизм мирный и вооруженный, этнонациональный и региональный, националистический и постнациональный, целевой и игровой, протогосударственный и постгосударственный, влиятельный и маргинальный и т.д.

Развитию типологии сепаратизма теоретически могла бы помочь перекрестная классификация движений с использованием многих параметров. В случае корректного ввода данных можно было бы таким образом выделить «кластеры» характеристик, чаще всего сопутствующих друг другу, и на этой основе – агрегированные модели сепаратизма. Но колоссальное разнообразие контекстов, различия в методиках оценки исходных параметров и неразвитость самих баз данных делают это маловыполнимым.

Простая классификация сепаратистских движений и сецессий на основании отдельных критериев также далека от завершения. Между тем ее разработка важна не только для всесторонней оценки отдельных случаев, но и для интегральных исследований, тем более что, как точно заметила российский политолог И. Кудряшова, проблематика сецессии «обречена иметь междисциплинарный характер» (3).

Разнообразие и сепаратистского сознания, и его проявлений предостерегает против слишком общих недифференцированных схем и помогает увидеть, как огромен и многоаспектен тот контекст, в который вплетен этот феномен. Но это – не хаотический калейдоскоп. Разные «лики» сепаратизма имеют свои закономерности. Их анализ предполагает сопоставление разных дисциплинарных и концептуальных ракурсов. И без него едва ли можно понять, что порождает сепаратизм, каковы его перспективы и какое влияние он может оказать на мировой политический ландшафт.

Список литературы

1. Бьюкенен А. Сецессия: Право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. – М.: Рудомино, 2001. – 239 с.
2. Горовиц Д. Разрушенные основания права сецессии // Власть. – М., 2013. – № 11. – С. 189-191. – Режим доступа: <http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/11/Horowitz.pdf>
3. Кудряшова И.В. Мир воображаемых границ // РСМД. – 28.03.2013. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/library/?id_4=91#1
4. Нарочницкая Е.А. Терроризм и демократия. (На примере этнического терроризма в странах Запада) // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2003. – № 1. – С. 27-59.
5. Попов Ф.А. География сецессионизма в современном мире. – М.: Новый хронограф, 2012. – 672 с.
6. Тишков В.А. Сепаратизм: Кровь и слезы // Русское воскресенье. – Режим доступа: <http://www.voskres.ru/idea/separ.htm>
7. Тишков В.А. Поздний национализм как политический проект // Блог В.А. Тишкова. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikaci3/lekcii2/lekcii/lekcii_pozdnij_na.html#
8. Хенкин С.М. Испания: Испытание Каталонией // Перспективы / Фонд исторической перспективы. – 14.01.2013. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/ispanija_ispytaniye_katalonije_2013-01-14.htm

9. Это не война, а несчастливый брак // Махпарк. – 02.07.2014. – Режим доступа: <http://maxpark.com/community/politic/content/2836655>
10. Forsberg O.J. On the classification of ethnic groups as proto-terrorist // Kvasaheim. – Mode of access: <http://www.kvasaheim.com/docs/oceg.pdf>
11. Grisel E. Comment réussir sa sécession (démocratiquement) // Le Temps. – Geneva, 2012. – 13 dec.
12. Hannum H. The right of self-determination in the twenty-first century // Washington and Lee law rev. – Lexington, VA, 1998. – Vol. 55, Issue 3. – Article 8. – P. 773–780. – Mode of access: <http://scholarlycommons.law.wlu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1515&context=wlulr>
13. Horowitz D.L. Self-determination: Politics, philosophy, and law // National self-determination and secession / Moore M. (Ed.). – N.Y.: Oxford univ. press, 1998. – P. 181–214.
14. Keating M.J. Plurinational democracy: Stateless nations in a post-sovereignty era. – N.Y.: Oxford univ. press, 2001. – 197 p.
15. Ljungquist Ch.S. Catalan independence and a tumultuous 2014 for Spain // Geopolitical monitor. – 2014. – 30 Jan. – Mode of access: <http://www.geopoliticalmonitor.com/catalan-independence-and-a-tumultuous-2014-for-spain-4910/>
16. Meyer K. Woodrow Wilson’s dynamite // The New York Times. – N.Y., 1991. – 14 Aug.
17. Tullberg J., Tullberg B.S. Separation or unity? A model for solving ethnic conflicts // Politics and the life sciences. – Bloomington, IN: Indiana univ. press, 1997. – Vol. 16, N 2. – P. 237–248. – Mode of access: http://tullberg.org/wp-content/uploads/2013/03/CivDiv.PLS_.pdf